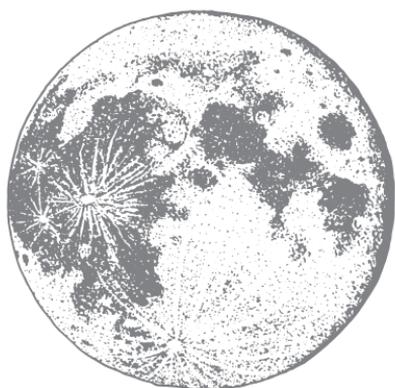

Памяти Валерия Гаевского, поэта фантастики

Феликс (I)

Феликс умер и через минуту открыл глаза.

Его немолодое рыхлое тело грелось под шерстяным одеялом. Этот переход во времени всегда давался Феликсу непросто. Только что перед ним был горный склон, застывший в зимнем безветрии. А сейчас — гостиничный номер и тоскливое завывание ветра за окном. Вдобавок в этот раз перебросило вовсе без одежды. Закономерность во всём лишь одна — полная луна, остальное — как придётся.

Сна не было ни на гран. Феликс разглядывал блуждающие по потолку мутные пятна света. За деревянной стеной бульдозером храпел сосед.

Сколько Феликс уже здесь? Сколько раз он прожил этот январь? Сначала всё казалось мистикой, кошмарным сном. Возвращался он всегда в одну и ту же ночь, 11 января. Аккурат на следующий календарный день после приезда. Неплохой творческий отпуск, товарищ Синицын. Просто замечательный! Приехал за вдохновением, мать его растак. Музу искать. Ты кто? Пушкин, что ли? Кропай повестухи в своём соцреализме, на кой ляд тебе вдохновение? Только не писалось совсем. Тошно стало. А договор никуда не делся. «Молодая гвардия» ждёт...

Мысли были привычные и тоскливые. Феликсу в этот момент казалось, что он в могиле. Так же, наверное, лежишь в холодной тьме и слушаешь

ночные звуки. А заяц над твоей могилкой в сугроб зарылся и похрапывает, подлец. Тьфу!

Он хотел уже запустить об стенку дежурный томик Симонова, чтобы храпун поперхнулся и затих хотя бы на минуту, но вдруг вспомнил, что этот месяц обещает быть иным.

— Вот ведь чёрт! — вскрикнул Феликс. — Как мне память-то отбило!

За стеной всхрапнули жеребцом и притихли.

— То-то! — торжествующе заявил Феликс и неловко соскочил на прохладный пол.

На улице под одиноким фонарём крутились, метались и оседали мелкие снежинки. Это было обещание пурги, что придёт сюда через сутки. Говорят, в январе обильные снегопады в Домбае не редкость. Аж на неделю отрежет от Большой земли. Впрочем, ему-то какая разница? Феликса передёрнуло: от оконного стекла тянуло холодом. Он замотался в одеяло наподобие тоги римского патриция и сунул ноги в тапки.

Закольцованная жизнь поменялась. Это стоило осознать.

Феликс щёлкнул выключателем, зажигая настольную лампу. Из пишущей машинки, как всегда, торчал наполовину отбитый печатными буквами лист: «Мальчик осторожно брёл по каменистому берегу...».

Да-да. Белое море, глухие леса... Раскольники, беглые стрельцы и прочие бунтовщики. Классовая борьба в раннепетровскую эпоху, не хухры-мухры. Интересно, сейчас он бы смог дописать?

Феликс машинально распахнул холодильник — початая бутылка «Пшеничной» на месте, кусок колбасы и полбатона. Живём, братцы! Зря он жалуется на судьбу. Ну, попал во временной карман.

Или как там этот вчерашний чудик назвал? Петлю? Да, во временную петлю. Но зато как попал: номер первой категории, холодильник «Север», виды на горы расчудесные.

А ведь ещё вчера Феликс едва не смалодушничал... Лунный месяц подходил к концу, а он давно подметил, что в последний день в груди распухает такая тоска, что хоть волком вой. Луна готова — во всей полнолунной красе. Может, отсюда страшные истории про оборотней? Не люди-волки это, а люди-феликсы?

Как обычно, он свернул с Карачаевской улицы, по которой брели припозднившиеся лыжники, и углубился в лес. Хорошо утоптанная тропа вела напрямиком к облюбованному местечку на горном склоне. Феликс мог пройти по ней с закрытыми глазами. Один был минус — местами становилось крутенько. Ему приходилось останавливаться и, тяжело дыша, восстанавливать силы. Возраст давал о себе знать одышкой, непрерывным колотьём то в бок, то слева под сердцем, то ещё где-то в нездоровом туловище. Скоро не тело будет, а клубок ниток, утыканный иголками. По приезде в это заколдованное место Феликс отпраздновал пятьдесят три. А сейчас ему сколько? Счёт закольцованным месяцам он давно потерял. Лет пять тут прошло? Не, многовато. Да не в возрасте дело! Дед Феликса почти до ста дожил со всеми зубами. У Феликса три осколка в боку с войны, нервы постоянно, водка-курево. Вот что косит людей его поколения.

Он наконец взобрался на каменный стол, обрывающийся карнизом. Внизу горели огни: гостиница, окошки поселковых домишек, одинокий

фонарь у стеклянной столовой, цепочка светильников к кассе подъёмника.

Феликс уселся на прислонённый к сосне чурбачок и закурил. Чурбачок был старый, будто отполированный бесчисленными посиделками. Наверняка его сюда затащил кто-то из работников, чтобы от начальства отдохнуть. Или, может, усатый егерь обходит свои владения и отсюда наблюдает за жизнью туристов.

Табачный дым приятно защекотал нутро, создавая иллюзию покоя. А ведь в какой-то момент он просто не сумеет сюда подняться — и что тогда? Мысль ужалила внезапно и больно, словно печёночная колика. Сразу захотелось выпить. Феликс достал из-за пазухи тёплую фляжку и отхлебнул. Тут же вспомнился хитрый прищур старика Варужа. Хороша у Варужа самогонка, эх. Как её тут называют? Балхам? Нет, балхам — это лекарственная настойка. Чача? Пусть будет чача. Может, надо было не сюда карабкаться, как горный козёл, а пойти к Варужу...

С ветки вспорхнула птаха, стряхнув снежок прямиком на Феликса. Он вздрогнул. Чувство было такое, словно застигли за срамным делом, да ещё со спущенными штанами. Не было же такого раньше? Нет? Сколько раз он сидел на пне курильщицков? Полсотни точно. Не было тут птах.

— Не было, — прошептал Феликс.

Звук собственного голоса ободрил. Он прислушался — лес пытался спать, тяжело, с достоинством, покачиваясь сосновыми стволами.

— Кажется, — успокоительно сказал он сам себе. — Крыша едет. Крыша...

Феликс снова приложился к фляжке. О чём это он? Не надо было сюда ехать, вот что. Попал как

кур в ошип. Ни выбраться, ни полезного ничего не сделать. Зачем оно, а?

— К чёрту всё, — смачно сплюнул Феликс и резко поднялся.

Тело не ожидало от хозяина такой прыти. Он пошатнулся, схватившись за сосну. Не давая себе передыха, Феликс побрёл к обрыву. Там круто, наверняка лететь метров десять, не меньше. Где тут край-то? Ни черта не разобрать уже. Он представил, как поскользывается и летит с каменного карниза вниз, но не разбивается. А ломает себе руку или ногу. А ещё хуже — позвоночник. И так и стынет Феликс под горой, без шанса спастись.

«Ну и ладно, — храбрился он. — Всё равно помирать». Но проснувшееся в глубине подсознания альтер эго подкидывало картинку, как его, полуживого, парализованного, выкидывает в начало месяца. И будет он лежать, гадя под себя, и ждать озбоченного стука в дверь.

Феликс покачал головой. Порыв его угас, он плюнул и развернулся. У чурбачка маячила долговязая фигура чужака. Одет он был еле-еле: штаны и какая-то бездельная куртка — Феликс в полумраке не разобрал. Визитёр церемонно поклонился.

— Разрешите присесть?

Феликс обалдело кивнул. Долговязый согнулся пополам и вытащил из тьмы заснеженный чурбачок.

— В сугробе лежал, — пояснил незнакомец, отряхивая сидушку. — Пенёк, в смысле, а не я. Мне в сугробе холодно.

Он устроился на чурбачке с видимым удовольствием.

— Вы сядете? Или вам удобнее постоять?

Феликс пожал плечами. Ситуация казалась ему идиотской. Но он пересилил себя и вернулся на пенёк. Сидели они друг напротив друга метрах в двух. Вид у незнакомца был бодрый, любопытствующий. Наверное, увидев эту физиономию Феликса утром у подножья Муссы-Ачитары, принял бы его за новичка-туриста.

— Познакомимся? — спросил чужак. Он говорил с каким-то неуловимым акцентом.

— Ну, д-давайте. Я — Феликс.

— Очень приятно. Моё имя — Эч.

— Я вас раньше здесь никогда не видел.

— Я тут никогда ранее и не бывал, — чуть удивлённо ответил Эч.

Феликс смешался. Не объяснять же этому свалившемуся на голову незнакомцу про временные карманы. Хотя кому он расскажет? Судя по восходящей луне, Феликсу осталось в этом месяце минут тридцать, не больше. Но Эч опередил его.

— Вы хотели покончить жизнь самоубийством? — деловито поинтересовался он.

— Что?

— Вы подошли к самому краю, — пояснил пришелец. — И вид у вас был решительный. Во всяком случае, поначалу. В последнее мгновение вы задумались, стоит ли оно того. Правильно, не стоит. Хотя высота тут приличная, но камни покрыты снегом. Можно и не убиться сразу.

— Я тоже так... Погодите! Кто вы вообще такой?

— Я? — Эч сел ровно, опять превратившись в подобие жерди. — Я — проклят. Проклятый Эч, если угодно.

— Проклят?

— Именно, — склонил голову Эч. — Проклят самым натуральным образом.

Феликс покрутил головой. За полчаса многое может случиться. Может, он буйный? Откуда он тут взялся?

— Вы, случаем, не псих?

— Душевнобольной?

— Ну...

— Это может быть, — жизнерадостно подхватил Эч. — Понимаете, я проклят в далёком будущем и падаю в прошлое.

Феликс дёрнулся, но уйти не решился.

— Я безобиден, — сообщил Эч. — Не бойтесь. Всё равно мне скоро падать дальше. Луна взойдёт повыше, и я не удержусь. Можете уйти, я не обижусь. Но мне хочется немного поговорить.

— Луна?

— Ну да, она, негодяйка. Я проваливаюсь в полнолуние. И так уже много раз.

До Феликса дошло.

— Вы... Эч... Вы во временном кармане? Или кольцо? Понимаете, о чём я?

— Не-е, — замотал тот головой. — Я проклят. Наказан.

— А луна что?

— А что луна? — недоумённо уставился Эч. — Эй!

Он вскрикнул с неподдельной радостью.

— Да вы сами из временной петли?! Ничего себе! Вот так встреча! У вас это начало цикла? Или...

— Конец.

— Ага-ага, — закивал Эч. — Надо же, какая встреча. Не бывает же таких простых встреч, правда?

— Стой! — Феликс вскинул руки. — погоди, Эч! Приятель! У меня же времени мало. Мне надо. Надо спросить! О чём. О чём?

Он лихорадочно думал.

— У вас там алкоголь?

— А?

— Во фляжке алкоголь?

— Глинтвейн.

— Можно?

Феликс бросил фляжку.

— Остыл, — предупредил он.

Эч небрежно отмахнулся. Крышка мгновенно слетела, звякнув цепочкой. Проклятый Эч припал к фляжке.

— Божественно, — выдохнул он. — Простите, я не удержался и допил.

— Пустяки, пустяки, — замахал Феликс. — А как вы... Ну, дальше?

— Дальше меня сбросит в прошлое, — объяснил Эч. — Не знаю насколько. Я буду падать и падать, пока не достигну дна.

— А оно есть?

— Есть, — подтвердил Эч. — Первый из нас, лунников, меня ждёт.

— Зачем?

— Чтобы убить.

— А... — Феликс не нашёлся, что ещё спросить.

Проклятый Эч, задрав голову, безмятежно наблюдал за небом. Тогда Феликс спросил о другом:

— А вы можете предупредить меня в прошлом, чтобы я ни в коем случае не ехал сюда? А?

— Вы думаете, поможет? — меланхолично ответил Эч, не меняя положения тела.

— Конечно! Вы расскажете, что со мной тут приключилось. Про то, что протух я тут весь. В смысле...

Феликс понял, что городит чепуху. Но надо же воспользоваться счастливым случаем. Невероятный шанс сидит перед ним и тянет длинную шею.

— Вот что, — собрался Феликс. — Если вы встретите меня, то предупредите, что лучше остаться в Москве.

Эч молча перевёл взгляд на Феликса. Он ждал продолжения. Но его не было. Феликс чувствовал, что его начинает тащить обратно. Значит, минут пять осталось. Больше ему сопротивляться не получится.

— Феликс, — успокаивающим тоном сказал Эч. — Как вы думаете, какова вероятность, что я упаду на вас в прошлом? Я даже не знаю, насколько сильно я проваливаюсь. Может, на год, а может, на сто лет сразу. Вот сейчас какой год?

— 1971-й.

— А последний раз я видел вывеску с датой 1992 г., но ещё прыгал два или три раза. А до этого так вообще... Впрочем, не в этом дело. Неужели вы думаете, что подобные вам не пытались поменять своё прошлое? Не пытались избежать временной петли?

— Не знаю. Но что-то же делать надо, — хрипло сказал Феликс. — Пусть я хотя бы останусь в столице, если уж не избежать петли.

— Это, наверное, проще, — пожал плечами Эч. — Но я не знаю, как пространство-время реагирует на наши попытки изменить его. Феликс, мне скоро падать дальше. Да и вам, наверное, тоже пора. Я попробую дать вам совет.

— Давайте, — потухшим голосом согласился Феликс. — Чего уж там.

— Понимаете, временная петля только кажется неизменной. Но время продолжает идти вперёд даже в петле, во всяком случае для вас. Значит, вы можете измениться. И изменить свою жизнь.

— Дурацкий совет, — выдохнул Феликс.

Эч развёл длинные руки и стал похож на тонкое дерево с развесистыми ветками.

— Что вы хотите от проклятого?

Феликс поджал губы. Он почти ненавидел этого долговязого попаданца.

— Впрочем, есть ещё одна возможность, — сжалился Эч. — Если моя миссия увенчается успехом, я расскажу о вашем горе моим друзьям. Вашего положения это не изменит. Но, возможно, вы будете не столь одиноки.

После чего он исчез, рассыпавшись блестящей мишурой. А потом пришёл черед и Феликсу...

Проклятый Эч... Надо же... Феликс покрутил головой. Сосед вновь испускал замысловатые ругалды. Значит, Эч обещал прислать друзей, если его миссия удастся. Если удастся...

— Пусть тебе повезёт, Эч! — торжественно прошептал Феликс и опрокинул рюмку. Спать не хотелось категорически. Хотелось писать... Давно с ним такого не бывало.

Феликс уселся на стул, набросив одеяло как казачью бурку. Листок в пишущей машинке призывно заколыхался. «Мальчик осторожно брёл...»

«Давай-ка, родной, — подбодрил себя Феликс, — вдарь-ка...»

По этажам «Солнечной долины» прокатилась побудка и тут же, без паузы, полилась бодрая спортивная мелодия. Феликс заворчал, кутаясь в одеяло. Но вернуться в тёплый сон не удалось. По гостиничному терему разносились утренние звуки: невнятные голоса, топот детей, жужжание электрических бритв.

Феликс поднялся, растирая лицо. На письменном столе, небрежно рассыпавшись, лежали плоды ночного бдения — пара десятков листов. Надо бы отредактировать, дописать финал и оформить набело. «Завтра утром ещё можно успеть отправить почту», — мелькнула мысль. Смысла в этом не было ни малейшего, всё равно к следующему полнолунию всё рукотворное обнулится. Но... Есть большое но. Взаправду ли был Проклятый Эч?

После творческих трудов хотелось есть. Феликс улыбнулся. Давненько у него не было такого хорошего настроения.

До стекляшки столовой он добежал, накинув лёгкое пальто. Морозец сегодня слабенький, температура растёт. Горнолыжники радуются — самые ранние пташки уже тянутся к подъёмнику.

Феликс потоптался у крыльца столовой, оббивая снег с ботинок.

— Доброе утро, Феликс! — поприветствовал его знакомый бас.

Усатый сосед-храпун.

— Здрасьте-здрасьте, — ответил Феликс. — Как спалось, Геннадий Павлович?

— Плохо спалось, — с обидой сказал сосед. — Вы ночью на печатной машинке стучали?

— Есть грех.

— Зачем так? Люди сюда отдыхать приезжают, а вы спать не даёте!

Геннадий Павлович с достоинством вошёл внутрь, больше не удостоив писателя ни словом.

Феликс фыркнул. Сегодня этот индюк показался ему даже забавным. Он решил немного постоять, пока Геннадий Павлович окончательно не скроется в недрах столовой. И тут заметил странного человека, неуклюже пробирающегося по сугробу

от строящейся новомодной гостиницы «Горные вершины». Человек был одет одновременно легко и неподобающе. Если бы не обстоятельства, Феликс решил бы, что перед ним военный в хитром обмундировании. Или в крайнем случае рыбак. Когда военный-рыбак выкарабкался из снежного плена, Феликс понял, что на голове у незнакомца не белоснежный берет, а седые волосы. Седой военный, отряхнувшись, осматривался.

— Эй! Заблудился, солдат?

Пришелец нашёл глазами Феликса и, призывно махнув рукой, энергично направился к столовой.

«Так», — подумал Феликс.

— Феликс Алексеевич? — поинтересовался военный.

— Так точно, — невольно подтянул живот Феликс. — Но...

— Меня зовут Павел. Я вас вчера видел.

— Вчера?

— В прошлом цикле, — пояснил Павел. — Я догонял Эча.

— Проклятого Эча?

— Если он так представился, — развёл руками Павел. — Мы можем поговорить, Феликс Алексеевич?

— Давай. Я собирался завтракать. Ты где остановился?

— Я только что прибыл, Феликс Алексеевич.

— Да что ты заладил... — поморщился Феликс. — Просто Феликс. На «ты».

— Неудобно, — пожал плечами Павел. — Вы всё-таки старше.

Феликс покосился на седые пряди.

Феликс (I)

— Разрешаю, солдат... Значит, талончика у тебя нет... — перевёл он разговор на другое. — Ну, пойдём, что-нибудь придумаем.

— Не волнуйтесь, я не голоден.

Когда улеглась суета с подносами и тарелками, Феликс расположился за своим любимым угловым столиком на двоих и пригласил Павла сесть рядом. На нового приятеля окружающие косились, но помалкивали. Про Феликса знали, что он писатель. А друзья у писателей, как известно, бывают разные.

— Ты точно не голоден? — виновато спросил Феликс. — Я умираю, как жрать хочется. Стоит написать какую-нибудь вещицу, так в брюхе целая Марианская впадина образуется.

— Не стесняйтесь, — сказал Павел. — Чая мне будет достаточно.

— Ну, как знаешь. Только давай всё-таки на «ты».

— Хорошо. Что ты пишешь, Феликс?

Феликс принялся уплетать яичницу. Горячая пища приятно согревала нутро, заставляя по-доброму глядеть на мир.

— Что пишу? — повторил Феликс, не переставая орудовать вилкой. — Мальчик Васька у меня на Белом море, и с ним приключилась целая история...

Он вкратце пересказал, что успел сотворить за ночные часы.

— И чем закончилось? — заинтересовался Павел.

— Не знаю пока, — беспечно отозвался Феликс. — Но классовую борьбу я выкину.